

Л. П. ПОТАПОВ

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА АЛТАЙЦЕВ

Тюркоязычные племена Горного Алтая, известные под общим наименованием алтайцев, в большей части были объединены в 1922 г. в Ойротскую автономную область. С этого времени алтайцы вступили в новый период своей истории. Известно, что до революции они достигли лишь ступени патриархально-феодальных отношений и не прошли капиталистического развития¹.

Советская областная автономия как специальная форма государственного устройства отсталых в прошлом племен и народностей создала благоприятные условия для консолидации алтайских племен в национальность, для развития единой национальной культуры, для перехода их к социализму почти из первобытных форм быта. С тех пор прошло четверть века. За истекшее время, как ни мал этот срок с точки зрения исторического процесса, в жизни алтайцев произошли огромные изменения. Изучая вопросы этнографии и истории алтайцев систематически с 1923 г., непосредственно в их среде, я накопил значительный материал для характеристики социалистической культуры и быта и процессов их становления.

Социалистическая культура и быт алтайцев представляют собой настолько сложный комплекс процессов, явлений, фактов, что научное описание и анализ могут быть выполнены только соединенными усилиями различных специалистов. Хотя решение этой задачи во всем ее объеме выходит за пределы компетенции этнографа-историка, тем не менее я попытаюсь наметить и осветить хотя бы и кратко некоторые общие моменты проблемы, главным образом в историко-культурном плане. К этому обязывает меня прежде всего сознание исключительно высокого научного теоретического и практического значения проблемы. Не претендуя на полное разрешение этих вопросов, я нахожу необходимым сделать это еще и потому, что такая попытка предпринимается в отношении алтайцев впервые, что в существующей литературе об алтайцах, как и о большинстве наших советских народов, эти вопросы не только не рассмотрены, но даже не поставлены. Тем труднее моя задача, но, может быть, тем извинительнее промахи и недостатки, неизбежные в такой работе.

Как известно, в настоящее время у алтайцев социалистический строй господствует безраздельно. Основой народного хозяйства является социалистическое животноводство. В колхозах и совхозах сосредоточено основное поголовье скота и все посевы. Роскошные земли Горного Алтая, его пышные луга и пастбища перешли в вечную собственность колхозов. Свыше 700 тысяч гектаров пастбищ и свыше 200 тысяч гек-

¹ См. мои работы: «Общественные отношения у алтайцев», «Историк-марксист», 1940, № 11; «Возрожденный народ. Краткие очерки по истории алтайцев», Новосибирск, 1942.

таров сенокосов передано навечно и бесплатно колхозникам на основании статьи 8-й Сталинской Конституции. Миллионы центнеров сена и сотни тысяч центнеров силоса заготавливают колхозы ежегодно с этой территории. Эту естественную кормовую базу для животноводства алтайцам предоставил советский государственный строй. До революции они скитались со своими стадами по малопригодным местам, так как лучшие пастбища и сенокосы составляли собственность «Кабинета Его Величества», т. е. царя, и большей частью были захвачены зайсанами и баями.

Рис. 1. Табун лошадей на зимнем пастбище. Колхоз «12 лет Октября» (Онгудайский аймак)

Современное социалистическое животноводство алтайцев резко отличается от первобытного кочевого скотоводства не только своей высокой товарностью. Его отличает, прежде всего, господство социалистических форм и методов труда, наличие высокой техники, применение научных методов и приемов хозяйствования. В большинстве районов алтайцы перешли в основном к стойловому содержанию скота, но на более высокой технической базе по сравнению с дореволюционным русским крестьянским хозяйством. Колхозный скот у алтайцев в зимнее время обычно содержится в теплых дворах, имеющих деревянный пол, окна, кормушки. В специальных теплых помещениях содержат также с момента рождения телят и ягнят, которых раньше помещали у костра в жилой юрте, вместе с хозяевами или в особых (для ягнят) ямах (курке), где ягнята согревались, прижавшись друг к другу.

Пастбищное содержание скота в течение круглого года сохранилось в настоящее время только в отдельных высокогорных районах, где обилие скота и недостаток покосных площадей, а иногда и порода скота делают этот способ рациональным. Однако полукочевое скотоводство современных алтайцев резко отличается от дореволюционного. Колхозное полукочевое или даже кочевое скотоводство, основанное на широком и правильном использовании пастбищного корма в течение всего года, застраховано от основных бедствий, которыми являлись в прошлом гололедица, затянувшаяся весна, эпизоотии. Алтайские колхозы делают запас различных кормов для подкормки стада в случае исчезновения корма на естественных пастбищах. Это обстоятельство вместе с постоянным ветеринарным надзором и помощью, изучением и плановым использованием естественных пастбищ во все времена года создают современному кочевому скотоводству алтайцев необходимую

устойчивость и большие хозяйственные перспективы. Нельзя не указать и на некоторые улучшения в технике кочевого скотоводства. Важнейшими из них являются оборудование водопоев, мест укрытия скота от непогоды на зимних стоянках, улучшение бытовых условий пастухов-табунщиков, материальная заинтересованность их в деле увеличения и сохранения стада и т. д. Все это новые черты алтайского кочевого скотоводства.

В настоящее время, как говорилось выше, большинство алтайцев отказалось от кочевых и полукочевых форм скотоводства даже на местах древних многовековых кочевий и перешло к заготовке естественных кормов в размерах, обеспечивающих потребность как колхозного скотоводства, так и скота, находящегося в личной собственности кол-

Рис. 2. Бык-симментал. Колхоз «Дяны дьол» (Онгудайский аймак)

хозников. Техника и приемы заготовки сена отличаются от обычных крестьянских способов дореволюционного времени. Социалистический строй насытил хозяйство машинным инвентарем. Широкое применение сенокосно-уборочных машин и силосование зеленых кормов — характерные черты современной техники заготовки сена у алтайцев. Первобытные способы вырывания травы руками или срезывание ножом с последующим свиванием ее в жгуты (толгок) теперь не наблюдаются совершенно. Они сохранились только в памяти населения.

При характеристике социалистического животноводства алтайцев необходимо указать на изменение племенного состава скота. Алтайцы стремятся разводить высококачественные породы лошадей, коров, овец,

что в дореволюционное время было крайне редким явлением, характерным для отдельных байских хозяйств. Темпы разведения породистого скота характеризуют увеличение его количества в период с 1935 по 1942 г. в 16 раз². Улучшению племенного состава стада весьма способствует скрещивание местных пород скота с известными своими выдающимися качествами породами (рысистыми лошадьми, коровами симменталами и овцами мериносами и др.). Специальные учреждения Ойротии ведут научную исследовательскую и практическую работу по

Рис. 3. Баран из колхоза Кош-агачского аймака

внедрению наилучших результатов в животноводство. К ним относятся Областная комплексная сельскохозяйственная станция и Государственная заводская конюшня, занимающаяся разведением племенных лошадей. Постоянная ветеринарная помощь и применение метода искусственного осеменения также должны быть отнесены к современной технике скотоводства на Алтае. Пункты искусственного осеменения имеются в ряде колхозов. Они служат проводниками научных приемов животноводства и пользуются большой популярностью.

Черты новой и улучшенной техники проявляются в отказе от подсосного способа доения, при котором теленок высасывал значительную часть молока, в приемах обработки молока. Теперь алтайцы сравнительно редко получают сливки путем отстаивания молока в больших чашеобразных котлах. Обычно сливки отделяют при помощи колхозного сепаратора. Масло и сыр домашним способом делают в небольшом количестве, только для своих надобностей. Основное же количество

² А. Сапего, Советской Ойротии 25 лет, газ. «Красная Ойротия», № 74 (3223) за 1947 год.

масла и высокосортного сыра, которым славится Алтай, выделяется на заводах, построенных за последнюю четверть века.

Социалистическое животноводство с его передовой техникой и приемами вызвало рост стада в Ойротии. С 1932 по 1946 г. поголовье скота всех категорий увеличилось на 30⁰%, а в колхозах за это же время оно выросло вдвое, несмотря на трудные военные годы³. Социалистическое животноводство Горного Алтая выдержало испытания войны, практически доказав свою силу и преимущество. В первые же послевоенные годы десятки алтайских колхозов исчисляли свои стада тысячами голов, некоторые насчитывают в своем стаде свыше 15 тысяч голов (колхоз Кызыл-Маны), а колхоз «Мухор-Тархота» — более

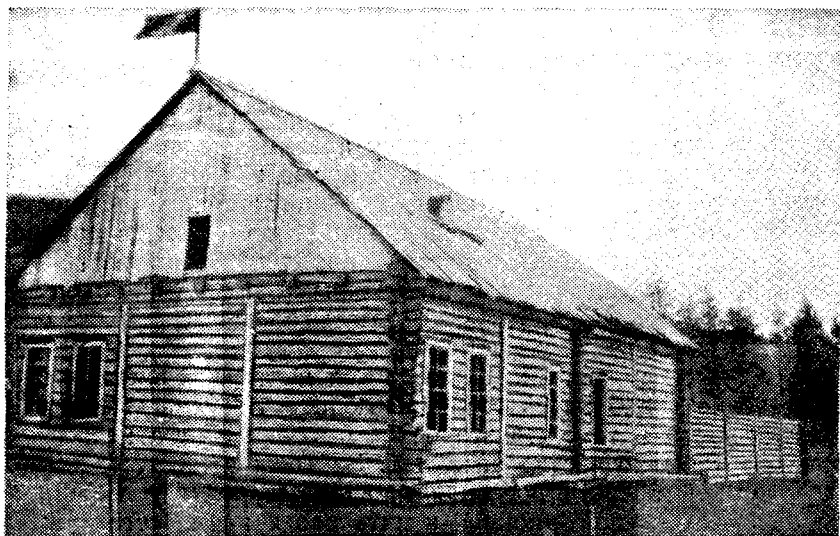

Рис. 4. Пункт искусственного осеменения лошадей. Колхоз «Дяны дьол».

22 тысяч голов. Это важное явление нельзя объяснить только заменой первобытной техники и способов ведения скотоводства современной техникой и приемами и плановым хозяйствованием. В нем сказывается еще глубокая заинтересованность в развитии животноводства у рядового алтайца. Эта заинтересованность носит в первую очередь морально-политический характер. В ней проявляется пробудившееся и растущее сознание алтайцем-колхозником факта освобождения его от многовекового двойного угнетения своими и царскими эксплуататорами, осознание факта, что рядовой колхозник-алтаец является сам распорядителем своей судьбы и строителем своей жизни. Эти чувства свободного алтайца вдохновляют его на труд. Они нашли уже отражение в современном фольклоре.

Я — ойротский пастух, кланяюсь новой весне.
 Свежему солнцу смеется птица.
 Здравствуйте, горы! Здравствуйте, реки!
 Здравствуй, белый огонь водопада!
 Здравствуй, сосновая хвоя!
 Открой свои красные ушки и слушай:
 Я здесь проходил, как ничтожный пастух богача,
 Теперь я — хозяин-колхозник.

³ А. Сапего, Указ. раб.

Само собой разумеется, что существенное значение в успехах алтайского социалистического животноводства имеет и материальная заинтересованность колхозника. Известно, что только за 1947 г., в порядке дополнительной оплаты труда за выполнение плана развития животноводства и сохранение его поголовья, 1150 колхозников и колхозниц получили более 4 тысяч овец, телят и жеребят⁴. Однако одной материальной заинтересованностью трудно было бы объяснить те многочисленные примеры творческого, глубоко сознательного отношения к труду по укреплению алтайского колхозного хозяйства со стороны самых различных возрастов и слоев алтайцев, лучшие представители которых удостоены правительственных наград⁵. Необходимо зафиксировать факт формирования у передовой части алтайцев, под влиянием советского строя, новой психики, которой и присуще такое отношение к общественно-полезному труду.

Весьма существенную роль в народном хозяйстве алтайцев стало играть земледелие. Не вдаваясь в анализ экономики земледелия и в описание агротехники, отмечу только ряд фактов, имеющих важное значение в плане развития культуры у алтайцев в советский период.

Земледелие у алтайцев в настоящее время исключительно плужное, в то время как еще 25—30 лет назад плужное земледелие существовало здесь в очень ограниченных размерах, главным образом в районах, где алтайцы постоянно общались с русской народной культурой.

Мотыжное земледелие с его карликовыми посевами, с его первобытной техникой совершенно исчезло. Мотыга — абыл кое-где еще употребляется в качестве огородного орудия труда. Прогресс культуры алтайцев в этом направлении заключается не только в том, что плужное земледелие стало здесь господствующим типом земледелия. Прогресс заключается в том, что эта более высокая форма заняла важное место в народном хозяйстве алтайцев. За годы существования Ойротской автономной области посевная площадь выросла в Горном Алтае по сравнению с дореволюционной в пять раз и исчисляется уже десятками тысяч гектаров. Современное плужное земледелие алтайцев качественно отлично от старого земледелия, усвоенного от русских крестьян. Благодаря колхозному строю земледелие современных алтайцев основано на высокой технике, на применении системы передовых агротехнических приемов. Широкое применение сельскохозяйственных машин, начиная от плуга, жатки, простой молотилки, кончая трактором, сложной молотилкой или комбайном, различных удобрений, введение соответствующего севооборота и т. п. резко повысили производительность труда алтайцев в земледелии и подняли урожайность. Сборы урожая таких зерновых культур, как пшеница, овес и ячмень, превышающие сто пудов с гектара, вовсе не редкость в Горном Алтае. Чтобы показать масштаб этих изменений, я приведу несколько цифр и сравнений. При мотыжном характере земледелия семья алтайца в 2—3 человека могла вскопать абылом в течение всей весны не более гектара. Мы знаем, что алтаец на тракторе вспахивает во время посевного сезона несколько сотен гектаров. При наиболее первобытных приемах уборки урожая, когда колосья срезывали ножом или выдергивали руками, на жатву 1 га алтаец, работая семьей, тратил неделю. На молотьбу урожая он тратил свыше 10 дней, так как колосья молотили толстой короткой палкой, предварительно обжигая их на костре. Наконец, при ручном алтайском способе веяния, подбрасывая зерно на берестяном или деревянном лотке, опытный взрослый работник мог провеять в течение дня немного больше центнера. Если сопоставим теперь с этим

⁴ А. Сапего, Указ. раб.

⁵ См., например, Указ Верховного Совета СССР от 14 июня 1947 г. и др.

общеизвестные колхозные нормы уборки урожая, хотя бы при помощи простейших сельскохозяйственных машин, не говоря уже о комбайне, то представить масштаб происшедших изменений в земледелии алтайцев, бывшем еще в недавнем прошлом живым остатком древнейшей первобытной культуры, будет нетрудно.

Вполне естественно, что алтайцы из потребителей хлеба превратились в его производителей. Это относится и к таким животноводческим районам, как Онгудайский и Улаганский аймаки, где роль земледелия в животноводческих колхозах достаточно велика. Земледелие получило такое развитие у алтайцев потому, что оно стало социалистическим, что алтайцы объединились в колхозы. Только социалистическое земледелие, с его неограниченными возможностями, могло в такой короткий срок превратить эту отрасль хозяйства у алтайцев из первобытной в передовую современную.

Необходимо отметить большое положительное влияние земледелия как наиболее передовой отрасли сельского хозяйства, оснащенной высокой современной техникой, на общее повышение культурного уровня алтайцев. Осваивая технику социалистического земледелия, алтаец-колхозник, еще недавно находившийся во власти исключительной темноты и невежества, изучает сложные сельскохозяйственные машины и приемы земледелия, не только управляет машиной, но знает ее детали, умеет собрать и разобрать их, обогащает свой ум множеством новых понятий и связей, обогащает свой язык новыми словами, наконец, убеждается в силе человеческого разума. Это весьма революционизирует его сознание, забитое в прошлом различными ложными религиозными представлениями как о природе в целом, так и об отдельных вещах и явлениях.

Я не рассматриваю здесь различные виды ремесленного или промыслового труда, за два последних десятилетия столь широко распространившиеся на Алтае, где развитие социалистических элементов происходит весьма интенсивно. Отмечу только, в заключение краткого обзора современного сельского хозяйства алтайцев, сохранение в нем исторически сложившейся комплексности. Однако в дореволюционные времена эта комплексность была выражением слабого развития производственных сил алтайцев. Если взять рядового алтайца, то нетрудно будет убедиться в том, что он разводил скот, промыслял зверя, иногда немножко сеял, т. е. вел комплексное хозяйство из-за нужды, чтобы как-нибудь прокормиться. Ни одна из указанных отраслей труда, взятая отдельно, не была в состоянии обеспечить его существование. Так сложилась, вынужденным путем, комплексность старого хозяйства.

Современная комплексность хозяйства алтайцев развивается из стремления полнее и всесторонне поставить на службу социалистической культуре, на укрепление всего советского государства в целом всех возможностей и даров природы, которыми так щедр Горный Алтай. Современная комплексность хозяйства алтайцев не выражает больше слабости экономики, а, напротив, отражает силу этой экономики и основана на высокой технической базе, резко изменившей общий облик алтайского хозяйства.

Как новое явление в истории культуры алтайцев следует отметить наличие местной социалистической промышленности. Последняя представлена здесь сотнями маслодельных, сыроваренных, кожевенных, лесопильных и других предприятий. Многие из них союзного и республиканского значения.

Все это, вместе с Чемальской ГЭС, электростанциями в аймаках и на отдельных предприятиях, а также и развернувшееся строительство колхозных электростанций, свидетельствует о больших успехах в развитии промышленности в Горном Алтае.

Добывающая промышленность дает золото, ртуть, вольфрам, молибден, мрамор, украшающий станции московского метрополитена, и т. д. Промышленность Ойротии обслуживается рабочими — русскими и алтайцами. При ведущем значении русских рабочих нельзя не отметить появление рабочих-алтайцев. Рабочие из алтайцев — новая общественная группа алтайского народа, которая наряду с сельской и городской интеллигенцией представляет весьма важное явление, порожденное советским государственным строем. Обе эти общественные группы алтайцев вместе с колхозным крестьянством, резко отличным от старых кочевников-скотоводов или охотников, представляют собой новую, мощную культурную силу. Совместные усилия перечисленных групп обеспечивают поразительно быстрое продвижение алтайцев по пути социалистического культурного прогресса.

Касаясь бытовых условий алтайцев, нужно сказать прежде всего о жилище. Известно, что, несмотря на распространение русской крестьянской избы среди алтайцев, значительная часть их накануне Великой Октябрьской социалистической революции продолжала жить в жилищах первобытного типа. В настоящее время на наших глазах происходит быстрое вытеснение первобытных форм жилища. В южных скотоводческих районах конический шалаш, покрываемый берестой или корой лиственницы (Онгудайский, Усть-Канский, Усть-Коксинский аймаки), или кошменная юрта (Кош-Агачский, Усть-Коксинский аймаки) еще сохраняются, но значение их в повседневной жизни алтайца отходит на задний план. Они становятся, преимущественно, летним жилищем. Иногда такой шалаш летом служит только кухней, где семья готовит себе пищу на костре и по старой привычке проводит вечер у огня. Старые типы жилища начинают выполнять функции хозяйственной постройки (амбар, сарай и т. д.). Как правило, рядом со старым жилищем выстроена срубная четырехстенная изба, чаще без крыши, а с землей, насыпанной на потолок, но с окнами, деревянным полом и печью. Подавляющее большинство южных алтайцев зимой живут в таких избах. Нередко стоящие рядом старый и новый тип жилища не обнесены изгородью, не имеют приусадебного участка и расположены без всякого плана либо вразброс, либо довольно скученно. Но наряду с этим имеются поселки алтайцев с улицами. Избы, стоящие вперемежку с шалашами, общественные учреждения: школы, здания сельсовета, больницы, клуба, ветеринарного или врачебного пункта, магазины сельского потребительского общества, маслозаводы, колхозные амбары, склады, скотные дворы и другие новые постройки придают современному алтайскому селению новый вид, не имеющий ничего общего со старыми аилами, растянутыми на несколько километров, с одинокими, стоящими на большом расстоянии друг от друга, юртами.

Современная срубная изба, вытесняющая старое жилище, в указанных районах обычно имеет еще несовершенный вид. Отсутствие крыши, сеней и некоторые другие признаки снижают ее качества по сравнению с тем типом избы, который распространился в районах давнего и непосредственного общения алтайцев с русским народом. Это обстоятельство имеет свои причины. Главными из них нужно признать массовость и одновременность перехода алтайцев к избе в короткий срок. При таких условиях возникают различные трудности (недостаток квалифицированных плотников, пиленого леса и т. п.), преодоление которых требует известного времени.

Весьма характерной особенностью упомянутой избы является отсутствие русской печи. Ее заменяет маленькая переносная печь из листового железа. Было бы неправильно видеть успех широкого распространения этой печки у алтайцев только в ее экономичности в смысле топлива, что, конечно, имеет определенное значение в горно-степных, без-

лесных районах. Популярность ее объясняется еще простотой приготовления пищи на ней, сходной с приемами приготовления пищи на костре, к которому так привыкли обитатели первобытного жилища. Нельзя не учитывать значения этого свойства железной печки еще по одной причине. У всех алтайцев, обитавших в старых жилищах, существовал своеобразный порядок принятия пищи, происходивший, видимо, в силу своеобразной патриархальной семейной иерархии, а также из-за недостатка кухонной утвари. Он заключался в том, что пищу готовили не сразу для всей семьи и ели ее отдельные члены семьи порознь и в разное время. В силу традиции такой порядок в значительной мере сохраняется и теперь. Костер и железная печка как нельзя больше отвечают этой особенности. Разумеется, нельзя преуменьшать значение и тех положительных нагревательных свойств железной печки, преимущество которых, по сравнению с костром, очевидно для алтайцев. В противном случае было бы трудно объяснить, почему алтайцы заменяют костер железной печкой в юрте даже летом. О силе традиции, связанной с многовековым обитанием ряда поколений в юрте, говорит также небольшое количество мебели, которым алтайцы на первых порах обставляют новое жилище. Традицией нужно объяснить и обыкновение совершать трапезу часто на полу у печки, не взирая на то, что в избе уже стоит стол и скамейка или табурет. Нетрудно уловить определенную последовательность в постепенной мебелировке жилища. В первую очередь в нем появляется кровать и полки для утвари, затем стол, скамейка или табуреты. Указанная последовательность объясняется естественным стремлением перенести в новые условия прежде всего привычные элементы старой обстановки. Затем воспринимаются и усваиваются те элементы новой обстановки, которые согласуются со старыми навыками и привычками, сохраняют известную преемственность между ними. Вот почему сначала в избе появляется кровать. Подобие ее было как в круглой, так и в конической юрте в виде нар, устроенных вдоль стен переднего угла. Маленький столик на низких ножках, за которым ели, сидя на полу с поджатыми под себя ногами, был известен алтайцам давно. Отсюда нетрудно привыкнуть к настоящему столу, освоив только способ сидеть на скамейке или табурете. Посудные полки в юрте представляли обязательный элемент обстановки женской половины, где помещалась также кухня. Полки переходят в избу в первое время на то же местоположение.

Обитание в избе, даже только в зимнее время, быстро влечет за собой восприятие все новых и новых элементов быта. Этому весьма содействует сила примера, исходящая из домашней обстановки сельской и районной интеллигенции, вызывающая у рядовых алтайцев желание перенять удобства нового домашнего быта, порожденного социалистическим переустройством жизни на Алтае. Развившееся общение алтайцев — жителей айлов с районными центрами и городом, наконец, просветительная работа также помогают формированию нового быта. Достаточно сослаться в этом отношении на работу и значение «Домов алтайки» — специфического алтайского просветительного учреждения. «Дом алтайки» — оригинальное учреждение по первоначальному комплексному обучению женщин-алтаек. Здесь в течение трех месяцев алтайки-колхозницы, живя в хороших бытовых условиях, обучаются не только грамоте, а, что особенно важно, современным приемам ведения домашнего хозяйства — печению хлеба, шитью одежды нового покроя и назначения, стирке белья и т. п. Женщинам преподаются основные правила личной, семейной и общественной гигиены, правила ухода за ребенком и т. д. Если прибавить к этому работу юрт-передвижек, клубов, изб-читален, где инструктаж, популярная литература и кино в значительной мере выполняют просветительные функции, направленные

также к усовершенствованию современного быта алтайцев, то этим можно закончить перечень известных мне факторов, под влиянием которых формируется социалистический быт алтайцев. Само собой разумеется, что фундаментом всего этого является практическое осуществление на Алтае принципов ленинско-сталинской национальной политики и ряда важнейших постановлений партии и правительства, направленных к повышению материального благосостояния населения.

Особенно легко и быстро алтайцы переходят к употреблению покупной посуды: кухонной, чайной, столовой, во всем многообразном ассортименте, которым располагают местные сельские магазины. Новую посуду научились мыть. Мне никогда не приходилось наблюдать привя-

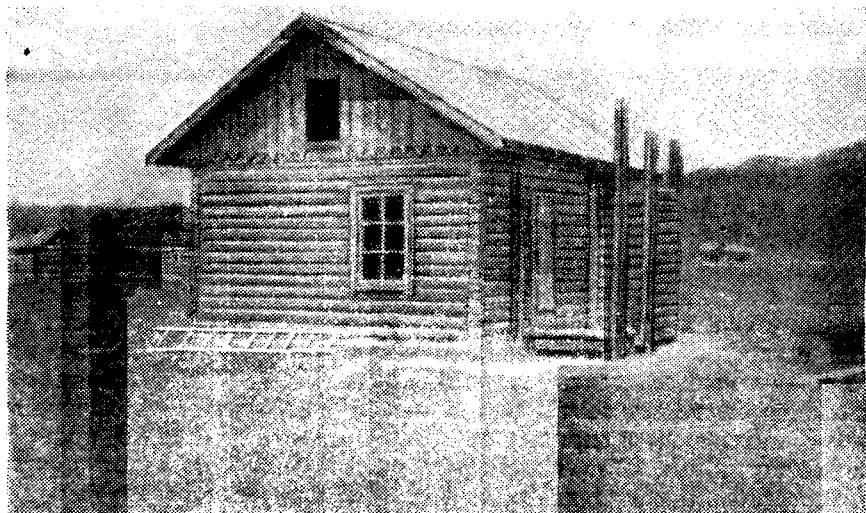

Рис. 5. Стандартный домик в колхозе Усть-Канского аймака (р. Яконур)

занности к старым примитивным формам домашней утвари, изготовленной из дерева и кожи. Из последней я мог отметить только сохранение больших кожаных сосудов для приготовления чегеня и красивых кожаных бутылок (тажууров) для араки, орнаментированных техникой тиснения. В обоих случаях предпочтение к старым сосудам мотивировалось их свойством лучше сохранять вкусовые качества продукта, с чем, пожалуй, нельзя не согласиться.

Все сказанное мной по поводу жилища и его обстановки у южных алтайцев далеко не исчерпывает многообразия процесса смены старых типов жилища, являющихся не столько признаком национальной алтайской культуры, сколько признаком первобытной культуры более широкого круга племен Саяно-Алтайского нагорья, включающего в этническом отношении, кроме тюркских, элементы монгольские, самоедские, угрские. В действительности, процесс этот идет в еще более сложном переплете элементов старого и нового быта, чем это показано у меня в обобщенной форме. Например, наряду с той срубной избой, которой я уделил особое внимание, учитывая ее массовость, почти в каждом алтайском селении описываемых районов встречаются русские пятистенные дома, состоящие из комнаты и кухни, или благоустроенные новые домики стандартного образца. Последние состоят из одной или двух комнат и кухни. Они покрыты двухскатной тесовой крышей, имеют небольшую веранду и снабжены кладовой. Подобный тип сельского домика я часто встречал в колхозах Усть-Канского и Онгудайского аймаков. Как правило, его строят алтайские колхозы для своих лучших

работников. Обогревается этот домик, кроме русской печи, плитой или камельком. Меблировка его более разнообразна. Часто встречаются железная кровать, стулья, сундуки, шкафы, занавески на окнах, а на стенах войлочные ковры, украшенные аппликацией, характерные для кочевого старого быта южных алтайцев. Черты этнографических особенностей алтайского быта проявляются как в отдельных предметах (коврики из войлока, кожаные сумы для хранения домашних вещей, предметы посуды), так и в их размещении.

Что касается жилища северных алтайцев, то у них, за редким исключением, переход к срубному жилищу русского типа можно считать законченным. Только в южной Шории до этого времени встречается своеобразное зимнее срубное жилище, «казым», называемое русским населением «юрточкой». Основу его составляет четырехугольный сруб из бревен в 4—5 рядов, покрытый двухскатной крышей из бересты, с насыпанной на нее землей⁶. Да еще у тубаларов таежных районов сохранились шести- и восьмиугольные срубные юрты как летнее жилье.

В северных районах Алтая, как у южных алтайцев, переход к срубному жилищу русского типа не означает потери этнографического своеобразия домашнего быта, которое проявляется главным образом в сохранении ряда предметов домашнего обихода (особенно изделий из бересты и дерева), внутренней топографии жилого помещения и его меблировки.

Перехожу к рассмотрению таких важных вопросов современного материального быта алтайцев, как одежда и пища. Прежде всего следует сделать ряд общих замечаний. Характерной особенностью современной одежды алтайцев является, во-первых, изготовление ее из тканей фабричного производства, как хлопчатобумажных, так и шерстяных и шелковых, во-вторых, широкое распространение готового платья. Объясняется это тем, что ткани фабричного изготовления и готовое платье стали теперь доступны рядовому алтайцу. До Великой Октябрьской социалистической революции рядовой алтаец, испытывая острую нужду в тканях, приобретал их в весьма ограниченном количестве, так как экономическое положение его было крайне тяжелым, а продажа тканей находилась в руках китайских, монгольских или русских торговцев, сбывавших их по непомерно высоким ценам. Поэтому, например, многие южные алтайцы летом не носили рубах, а ходили обнаженными, а вечером, когда становилось прохладно, или в зимнее время надевали баранью шубу на голое тело. По той же причине рубаху, сшитую из ткани носили до тех пор, пока она буквально не сваливалась с плеч. Штаны обычно шили из выделанной наподобие замши шкуры марала. Готового платья в Алтай в прежние времена не завозили. В настоящее время все изменилось. Доходы алтайцев, благодаря колхозному строю резко выросли. На Алтай привозят ткани и готовое платье, которые продаются в сельских и районных магазинах по государственным, кооперативным ценам и поэтому доступны каждому. Отсюда стало проще, выгоднее и удобнее покупать готовое платье, а не шить его на руках, как это делали раньше, ибо швейная машина в быту алтайцев отсутствовала и появляется только теперь. Вот почему так широко распространилось среди алтайцев готовое платье. При этом любопытно следующее обстоятельство. Обычно на Алтай завозится мужское готовое платье. Покупают и носят его не только мужчины но и женщины. Я имею в виду мужской пиджак, жилет, пальто, которые я так часто видел надетыми на женщину. Здесь мы имеем дело вовсе не с курьезом или с экономической необходимостью, как это может пока-

⁶ См. описание и фотоснимки в моей работе «Очерки по истории Шории», Л., 1936, стр. 111—112.

заться на первый взгляд. Женщины покупают и носят эти предметы мужского платья вовсе не потому, что им больше нечего носить. Объясняется это прежде всего особенностями старого быта как северных, так и южных алтайцев, при котором мужская и женская одежда еще не были полностью и окончательно дифференцированы. Достаточно сослаться на то, что у южных алтайцев короткая женская рубаша не отличалась по покрою от мужской. Мужской летний халат «чөкпөн» был совершенно таким же, как и девичий, а женскую шубу можно было отличить от мужской только по четырехугольному выступу в середине левой полы, который в мужской шубе имел ступенчатую форму. То же можно сказать про халат из кендыря (дикий конопль) северных алтайцев. Поэтому перечисленное выше готовое платье не восприни-

мается алтайцами чисто мужским, и девушки и женщины охотно его носят. В отношении жилета можно указать, что он чаще носится как самостоятельная верхняя одежда именно женщинами, вероятно, потому, что имеет элементы сходства со старинным чегедеком — верхней одеждой замужней женщины. Чегедек шился без рукавов, имел, примерно, такой же по покрою ворот, но был длиннополым.

Прежде чем дать краткие сведения о современной мужской и женской одежде, по моим наблюдениям, в отдельности, я хотел бы отметить еще одну общую и характерную черту для современной одежды южных алтайцев. Речь пойдет об оригинальных шубах, которые по условиям климата Алтая являются здесь

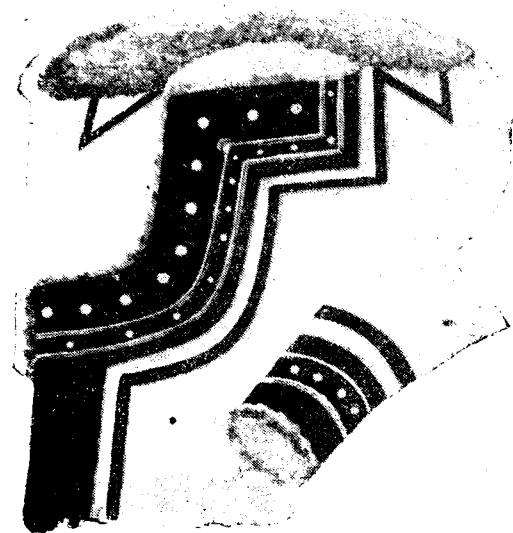

Рис. 6. Украшение на шубе колхозницы Монгольчиновой, сшитой в 1939 г. (Онгудайский аймак).

основным видом верхней одежды. Эти шубы, сшитые из овчин, сохраняют в основном свою национальную форму. Они попрежнему монгольского покроя, запашиваются, как у всех кочевников, левой полрой вверх. Однако старая форма алтайской шубы несколько изменилась. Шубы алтайцев колхозников Онгудайского и Усть-Канского районов шьются теперь из добротного материала, их стали шить короче, а характерный выступ левой полы — расшивать шелковыми и шерстяными нитками. Укорочение шубы находит объяснение в изменении образа жизни южных алтайцев. Раньше алтайцы указанных районов большую часть времени проводили верхом на лошади и тогда длиннополая одежда была для них более удобной. В настоящее время, с развитием оседлости, с расширением круга сельскохозяйственных работ, связанных с необходимостью много ходить, длиннополая одежда сделалась неудобной, мешающей ходьбе и работе. Стремление сделать шубу более нарядной и хорошей отражает повышение материального и культурного уровня рядового алтайца.

Говоря о современной мужской одежде, я должен отметить массовый переход алтайцев к ношению легкой верхней одежды, покупаемой в готовом виде, и пристрастие к одежде военного образца (гимнастерка, брюки-галифе и т. п.). Алтайский покрой мужской рубашки и штанов

встречается довольно редко, преимущественно в тех случаях, когда эту одежду шьют сами, домашним способом. Это наблюдение я могу подтвердить ссылкой на то, что детская одежда, которая всегда шьется дома, обязательно имеет алтайский покрой. Однако, если взять мужской костюм в целом, то нельзя не признать, что в нем продолжают жить национальные особенности, видимо, прочно вошедшие и в современный быт. Это относится не только к шубе, о которой уже говорилось, но к шапке и обуви. Характерная для алтайцев круглая овчинная шапка, верх которой покрыт тканью или сшит из лапок лисицы, выдры, соболя, шкурок «емуранки» (суслика), бурундука, с кистью из шелковых ниток на макушке, носится по сей день зимой и летом. Ее носят теперь и женщины. Она вошла как мужская шапка в быт и местного

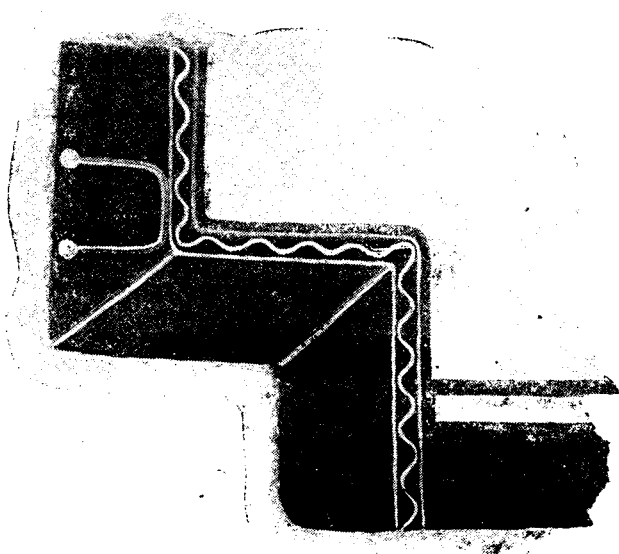

Рис. 7. Украшение полы шубы колхозницы Дьябыковой Майырчи (Усть-Канский аймак, 1939 г.)

русского населения. По популярности эта шапка конкурирует только с кубанкой и совершенно вытеснила типичную для алтайцев еще в начале нашего столетия высокую черную гребневидную шапку (по Вербицкому «пирогообразной» формы) ⁷ из черной мерлушки.

В отношении обуви следует отметить сохранение типичных для Южного Алтая кожаных сапог с широким раструбом в верхней части голенища, с двойным швом (передним и задним), с тонкой подошвой и набойкой вместо каблука. Носятся они, как и раньше, с кошменным чулком, верхняя часть которого, выступающая за голенище, выстлана нитками. Кроме этих сапог в зимнее время носят сапоги, сшитые из кожи с ног лошади, марала или козули, шерстью наружу, на мягкой подошве без каблука и набойки. Их надевают с таким же кошменным чулком. меховые сапоги алтайцев получили широкое распространение и у русского населения Алтая, под названием «кисы». Вместе с этим необходимо подчеркнуть в отношении обуви, что среди алтайцев, как южных, так и северных, начинают распространяться русские сапоги и частично валенки, доставляемые в эти районы через кооперативную торговую сеть. У алтайцев эти виды обуви уже пользуются спросом и носятся обоими полами.

⁷ «Алтайские инородцы», М., 1893, стр. 10.

Старые национальные формы мужской одежды у алтайцев еще сохранились в промысловом костюме, видимо, как наиболее приспособленные к условиям природной обстановки, в которой протекают промыслы (охотничий, ореховый).

Относительно современной женской одежды южных алтайцев мои наблюдения приводят к другому выводу. Женская одежда в большей мере сохраняет национальные черты, несмотря на внедрение в быт фабричных тканей и готового платья обычного городского покроя. Это относится не только к шубе, но и к легкому верхнему платью. Наиболее характерной особенностью современного костюма южной алтайки является отсутствие эффектного по форме чегедека, который до революции замужняя женщина не снимала всю жизнь и без которого она не могла показаться на глаза свекру или старшему брату мужа. Вместо чегедека носят довольно длинную, широкую юбку, передняя пола которой немного короче задней, и короткую кофту. Казалось бы, отсутствие чегедека должно было лишить женский костюм алтайки его национальной специфики, настолько чегедек был характерен для старого женского костюма.

На деле же этого не произошло. Кофта и юбка хотя сшиты по русскому крестьянскому образцу, но ма-

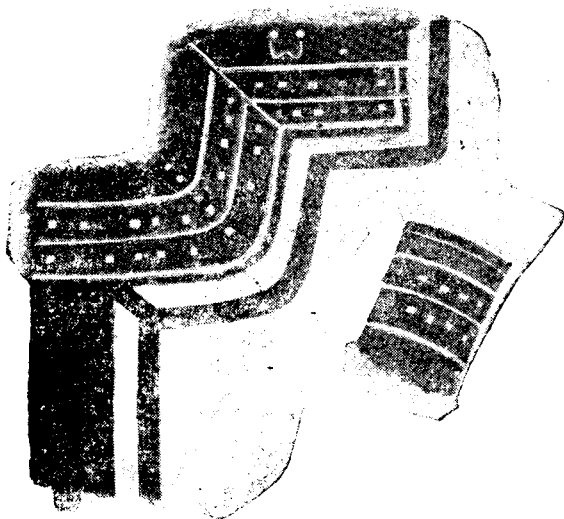

Рис. 8. Украшение шубы Якши Кадыковой (Онгудайский аймак, 1939 г.)

нера носить их, своеобразный воротник и его украшения, шапка и обувь придают современному легкому верхнему костюму южной алтайки национальный колорит. Алтайка-колхозница не просто заимствовала русскую кофту и юбку, а творчески переработала их, в результате чего появилась новая национальная форма костюма. В этом костюме украшения составляют важный элемент. Несмотря на их простоту, они придают специфику и красочность женской одежде. Большой откидной воротник кофты прострочен шелковыми цветными нитками и украшен рядами перламутровых и стеклянных цветных пуговиц, а также бисером, обычно голубого и белого цветов. Принадлежность костюма составляет широкий пояс из цельного куска ткани с различными подвесками, прикрепляемыми к нему при помощи ременных петель. У девушек подвеска (шиширгек) состоит из фигурной бляхи, вылитой из меди, с медными кольцами, к которым подвешены нити из бисера и ракушек каури. У женщин это украшение (пель или пельдуш) состоит также из медной фигурной бляхи, к которой подвешены нитки бисера или бус, оканчивающиеся обычно ключами от сундуков или ящиков, находящихся в ведении хозяйки дома. Замужние женщины часто носят на такой бляхе «пупники» — кожаные мешочки, в которых защиты пуповины детей. Мешочки эти треугольной формы (для девочек) или стрелообразной (для мальчиков). Они украшены низками бисера, ракушками каури и имеют довольно эффектный вид (см. рисунок). При первом же взгляде на такое украшение становится известным количество и пол детей его владельцы. Наличие детей считается у южных алтайцев большим

достоинством женщины. Алтайка подчеркивает это ношением пупника, который первоначально носили при себе, видимо, с магической целью охраны здоровья и жизни детей.

Типичным женским украшением современной алтайки является еще игольник — кожаный мешочек для хранения иголок, также украшенный бисером, бусами или раковинами, как это показано на рисунке. Наконец, оригинальным и распространенным украшением нужно признать подвески к косам из комбинации медных колец, голубых и белых бус, бисера, раковин, иногда серебряных монет, из которых особенно ценятся советские серебряные полтинники. Оно носится женщинами.

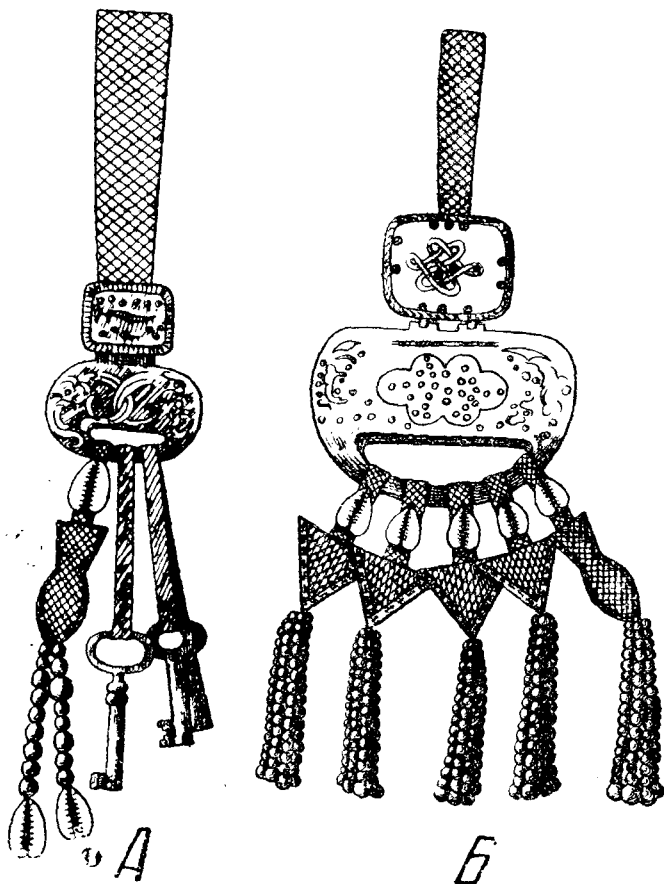

Рис. 9. А — украшение «бель» (поясное) с «пупником» и ключами Матвеевой Дьургай; Б. — поясное украшение с пуповинами детей Беклеевой Куйки (Онгудайский аймак, 1939 г.)

обычной прической которых являются две косы, и девушками, которые заплетают волосы в ряд более мелких кос. Серьги в ушах, медные и серебряные кольца на пальцах, различные советские значки на груди дополняют украшение современной алтайки. Новшеством является распространение коротких ожерелий фабричного изготовления, охотно приобретаемых женщинами и девушками в сельских магазинах.

Заканчивая краткое обозрение современной одежды алтайцев, я отмечу еще как совершенно новое явление для культуры алтайцев ношение нижнего белья и стирку с кипячением и применением мыла. Как ни обычно это явление, о нем все же приходится специально сказать в отношении алтайцев, среди которых оно возникло недавно в результате прогресса в формировании социалистического быта, переход к которому совершается от первобытных форм.

Приступая к изложению моих наблюдений по пище алтайцев, довольно известной по старым этнографическим описаниям, я должен начать с указания, что основная масса алтайцев, как северных, так и южных, перешла на новый вид пищи. Основой питания алтайцев теперь является печеный хлеб. Это нельзя не признать крупным изменением для быта южных алтайцев, где до революции (в основных скотоводческих районах) главным продуктом питания было все-таки молоко. Мясо и талкан (ячменное толокно) в питании рядового алтайца играли роль подспорья к сырчику и различным видам кислого молока. В настоящее

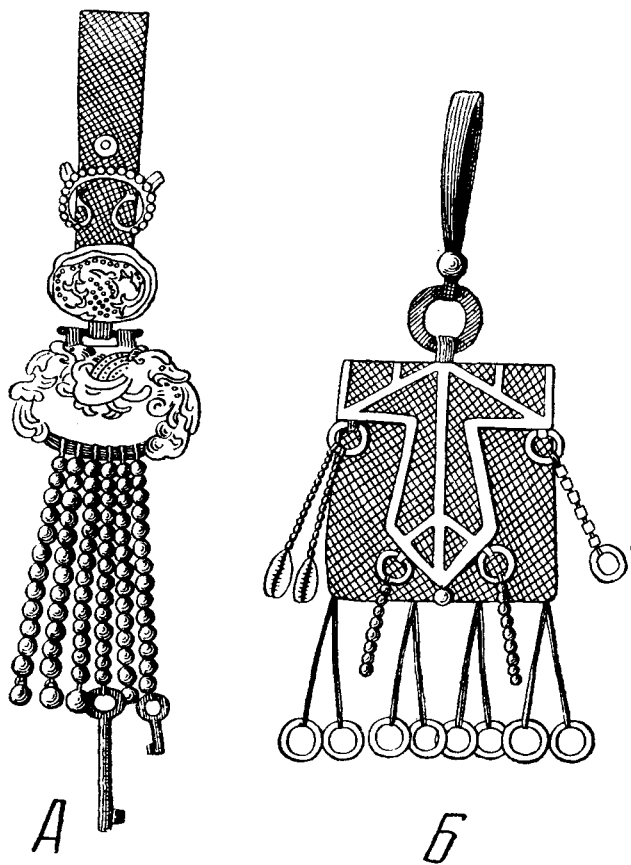

Рис. 10. А — украшение «белья» с ключами Кудачиновой Эш; Б — украшение «игольник» Кожутовой Туйман (Онгудайский аймак, 1939г.)

время даже в чисто алтайских скотоводческих колхозах, где попрежнему весьма распространено изготовление продуктов из кислого молока и талкана, печеный хлеб вошел в ежедневный рацион рядового алтайца.

Для пищи южных алтайцев все еще характерны сезонные отличия. С весны до поздней осени здесь преобладает молочная пища, потребление мяса возрастает зимой. Однако хлеб едят в течение круглого года. Объясняется это прежде всего развитием земледелия на Алтае, развитием кооперативной и государственной торговли. Таким путем обеспечивается хлебоснабжение даже самых отдаленных районов. Материальная обеспеченность рядового алтайца и уровень цен на хлеб совершенно сняли вопрос о возможности приобретения хлеба даже в тех районах Алтая, где земледелие совершенно отсутствует. Переход алтай-

цев из юрт в избы, распространение у них русской печи и вследствие этого устройство простейших хлебопечек в колхозах довольно легко разрешили технику хлебопечения даже в тех районах, где до революции не знали вкуса печеного хлеба.

Я не могу не отметить еще одной общей особенности в питании, которая бросается в глаза именно у южных алтайцев, — это разнообразие пищи. Оно резко выросло за счет внедрения мучных блюд, круп, овощей, яиц, сахара, конфет и пр. и в результате изменения способов изготовления того же мяса, употребления его новых сортов (свинина, курица). Как известно, кочевники едят мясо преимущественно в вареном виде и без приправы. Переход алтайцев к жарению мяса, употребление приправы к нему весьма расширили их меню. Они ввели в повседневное употребление большое количество молочных, овощных, мясных и мучных блюд, которые обычно приготовляет русское население Алтая. К числу таких нужно отнести прежде всего мясной суп с разной приправой, жареное мясо с картофелем, лапшу, пельмени, разнообразные пироги, блины, лепешки, различные каши. При этом некоторые виды круп (манную, рис, перловую) алтайцы узнали впервые и приобретают их через свои сельские магазины. Впервые также алтайцы научились солить огурцы, капусту, черемшу (по местному «калбу») и варить варенье из ягод, в изобилии произрастающих на Алтае. Вместе с этим у алтайцев сохранился ряд специфических алтайских блюд, напитков и способов приготовления пищи, имеющих большую древность, но вошедших в их современный быт как наследство кочевой культуры, выработанной многими веками. К ним я отношу некоторые виды молочной пищи и, прежде всего, чегень, кислый и пресный сыр (курут и пыштак), сливки (каймак) с вареного молока, полученные отстаиванием. Употребление чегеня составляет прямо-таки органическую потребность у южных алтайцев, по крайней мере у среднего и старшего поколения. Мне приходилось наблюдать, как некоторые алтайцы, работники аймачного центра в Усть-Кане, либо специально выезжали периодически в ближайшие колхозы, чтобы попить чегеня, либо делали его дома в обстановке, приближающейся к городскому быту, где уже только одно отсутствие кожаной посуды весьма отражалось на качестве чегеня. Они объясняли мне это потребностью организма в кислом, достигающей такой степени, что если ее не удавалось удовлетворить, то они теряли аппетит, у них плохо работал желудок и т. п., словом появлялись признаки, сопутствующие понижению кислотности желудка. После «зарядки» чегенем, говорили мне алтайцы, все эти явления исчезают, но повторяются через известное время, если не пить чегень или не есть кислый сыр (курут). Мне неизвестно, были ли специальные медицинские наблюдения, на которые можно было бы сослаться в этом случае. Но, кажется, ничего удивительного в этом нет, ибо современное среднее и старшее поколение алтайцев выросло на пище, принятой у кочевников, в которой продукты из кислого молока преобладали. Алтайцы с детства привыкли к ежедневному введению в организм продуктов, содержащих большое количество молочной кислоты. Поэтому резкое изменение пищевого режима в зрелом возрасте на первых порах дает себя чувствовать, что и выражается в повелительной потребности организма в кислой пище.

Из возбуждающих напитков попрежнему остается «арака» — водка, получаемая путем перегонки чегеня. Алтайская арака распространена у местного русского населения, которое усвоило и способ ее приготовления.

Из старой мясной пищи, относящейся к специфически алтайской, вошедшей в современный быт алтайцев и даже в быт местного русского

населения, нужно назвать кровяную колбасу, столь популярную на Алтае и теперь, затем шашлык из почек, способ варки бараньего мяса. Из других видов пищи к указанной категории относятся талкан (ячменное толкно) и ячменная крупа, полученная алтайским способом, идущая на приготовление национальной похлебки «кочо».

Остается еще указать на появление новых национальных блюд, возникших в процессе развития социалистического быта. В Онгудайском аймаке мне пришлось попробовать новый продукт под названием «Аарчы-сардю». Это название представляет собой соединение двух слов, обозначающих — масло (сардю) и высушенный на солнце творог

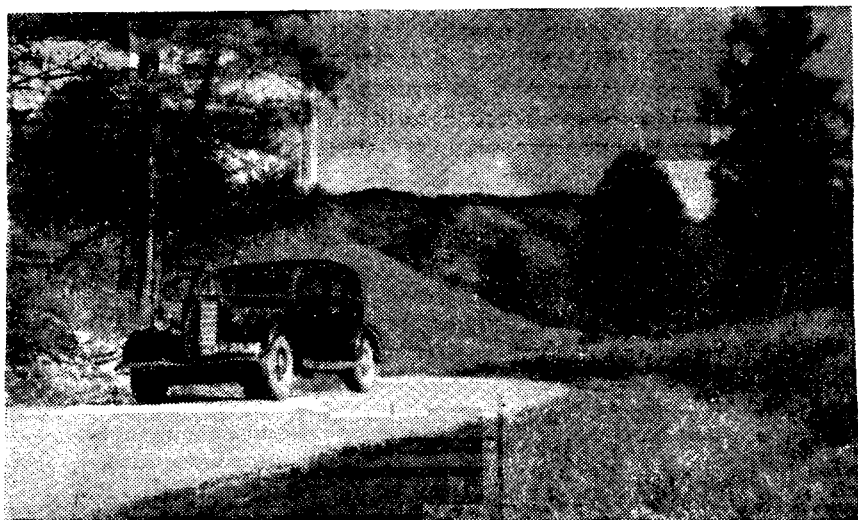

Рис. 11. Чуйский тракт (Ойротия, 1940 г.)

(аарчы), полученный после перегона чегеня на молочную водку (арака). Само же блюдо готовят путем смешения масла и сыра — аарчы с добавлением сахара и эту весьма приятную на вкус массу намазывают на хлеб. В Усть-Канском и Онгудайском районах я встретил еще совершенно новое блюдо, носящее алтайское название «кѳжине», которым обычно обозначают дягиль (зонтичное растение). Оно представляет собой подобие мусса, на сахаре, из сушеных стеблей этого растения.

Как ни малочисленны мои наблюдения, но и они позволяют говорить о том, что и в области пищи алтайцев происходит формирование новых национальных особенностей, порожденных развитием социалистического быта и, между прочим, отражающих повышение уровня материального благосостояния современных алтайцев. Это особенно относится к общественному питанию в селениях, колхозах, полевых станах, являющемуся существенным фактором в современной жизни алтайцев и носящему здесь хорошо известные общесоветские формы.

Для полноты характеристики материального быта алтайцев необходимо сообщить о современных средствах и способах передвижения и связи. Основным видом транспорта на дальние расстояния является грузовой автомобиль. Как правило, алтайские колхозы имеют собственные грузовые машины. Водителями их являются алтайцы, среди которых есть и девушки. За два последних десятилетия в Горном Алтае построены шоссейные дороги местного и государственного значения, связывающие административный центр Ойротии — г. Ойрот-Туру со всеми районными центрами области. По этим дорогам ежедневно,

зимой и летом, идет движение грузовых машин, принадлежащих различным государственным учреждениям, организациям и колхозам. Местное население, как алтайское, так и русское, на дальнее расстояние широко пользуется для своих личных нужд попутным автомобильным транспортом, преимущество и удобство которого так очевидно. Значение этого вида транспорта для Алтая, где нет ни железной дороги, ни водных путей сообщения, исключительно велико. Еще лет двадцать назад все грузы перевозились здесь при помощи гужевого транспорта, по довольно ограниченным маршрутам, а в большинство районов, за отсутствием дорог, груз завозили выюком. Такое положение с транспортом весьма отрицательно отражалось на хозяйстве и быте алтайцев, так как тормозило развитие необходимого грузооборота. Обычно караван выючных лошадей затрачивал на путь от г. Ойрот-Туры до центра наиболее удаленного Кошгагачского района около месяца. Грузовая машина проходит это расстояние за сутки и по грузоподъемности вполне заменяет обычный алтайский караван. Едва ли есть необходимость говорить о том, какую роль играет новый вид транспорта для снабжения алтайцев товарами и сбыта их сельскохозяйственной продукции. Однако развитие автомобильного транспорта отнюдь не уничтожило значения местного гужевого и верхового передвижения. Верховая и выючная лошадь продолжают играть большую роль в жизни населения Горного Алтая, что в значительной мере диктуется природными условиями. Для ближайших поездок особенно в трудно доступные горные местности, для охотничьего и орехового промыслов, для связи населения, живущего в местах, отдаленных от шоссейных дорог, лошадь у алтайцев и по сей день является главным видом транспорта. И здесь снова выступают этнографические особенности быта алтайцев, сложившиеся в результате долгой жизни в горных условиях, зафиксировавшие опыт многих поколений кочевников. Они выражаются в способе заселывания и выючения лошади, устройстве верхового и выючного седла, наилучшим образом приспособленных к горным условиям. Русское старожильческое население Горного Алтая уже давно оценило преимущество этой техники и усвоило ее от алтайцев.

Широко распространились за последние десятилетия телеги и сани, для обозначения которых в языке алтайцев не было собственных слов. Количество саней и телег в алтайских колхозах исчисляется уже в тысячах.

Для современного быта алтайцев, особенно северных, характерно в зимнее время употребление лыж. Лыжи эти попрежнему собственного изготовления и подбиты шкурой, снятой с ног лошади, марала или козули. Такие лыжи не составляют принадлежности только алтайских племен. Они свойственны культуре более широкого круга племен и народностей Сибири и являются одним из значительных достижений народной техники, так как хорошо приспособлены для хождения по горной местности. Русское население Горного Алтая до сего времени пользуется именно этим типом лыж.

Национальные формы в современных средствах передвижения алтайцев исчерпываются сказанным, если не считать долбленной лодки, управляемой длинным шестом, при помощи которого подвигаются вверх по течению, да примитивного плота у шорцев.

Развитие и усовершенствование средств передвижения и техники связи происходит в общесоветских формах, примером чего служит автомобиль и постепенно проникающий в быт алтайцев велосипед. Время от времени в горах появляется и самолет. Радио, телефон, телеграф, сего почтовых отделений стали обычным явлением в жизни населения Горного Алтая. Все это существует здесь в обыкновенных общесоветских,

а не специфических национальных формах, но составляет совершенно новый и важный элемент социалистической культуры алтайцев.

В связи с изложенным следует сказать несколько слов о современных семейных отношениях алтайцев, которые подверглись коренным изменениям и сами оказывают известное влияние на формирование новых элементов материального быта алтайцев, главным образом домашнего. Основным моментом в этих изменениях выступает фактическое уравнивание женщины в правах с мужчиной. По обычному праву алтайка не могла наследовать имущество, не имела права голоса на съездах родовичей, в зайсанском суде ей разрешалось выступать в качестве истца или свидетеля только при отсутствии мужчины, который мог бы заменить ее в этой роли. Она была лишена даже права выбрать себе мужа, права на собственных детей, считавшихся собственностью мужа и его родственников. Советское законодательство оказало огромное влияние на семью у алтайцев в смысле разрушения патриархального обычного права, обычаев, отражавших подчиненное положение алтайки в обществе и семье. По моим наблюдениям, производившимся накануне Великой отечественной войны, в различных районах Алтая совершенно отмерли такие старые семейные институты, как многоженство, браки девушки с малолетним мальчиком, умыкание, калым, левират (принудительная выдача замуж вдовы за младшего брата умершего мужа), запреты называть по имени мужа и его старших родственников (по мужской линии), запреты всякого общения между невесткой и свекром и мужскими старшими родственниками мужа⁸. Потеряли реальное значение и встречаются в виде отдельных пережитков такие родовые признаки, как экзогамия, родовое имя, обозначающее принадлежность к определенному сеоку (роду). Эти нормы и обычаи алтайцев я, как и другие исследователи, изучал и описывал еще в конце 20-х гг. и не по расспросам, а непосредственно в быту⁹. Патриархальные семейные обычаи, веками существовавшие у алтайцев, разумеется не как национальные особенности быта, а как явления стадийного порядка, как живые остатки первобытно-общинного строя, не были уничтожены господствовавшими на Алтае до революции ранними формами феодальных и зарождающимися капиталистическими отношениями. Те и другие, напротив, включили в свою систему эти патриархальные нормы и обычаи и использовали их в целях эксплуатации. Сохранение этих родовых традиций весьма тормозило общественное развитие алтайцев. Быстрое разрушение их и освобождение личности, особенно женщины, из патриархально-родовых пут, оказалось под силу социалистическому строю и порождаемой им культуре. Хотя у старшего поколения алтайцев еще живы представления о ранних формах семьи и семейного быта, но изучать их в настоящее время этнограф может только путем расспросов; современная семья у алтайцев — это новая советская семья, основанная на взаимном чувстве симпатии, добровольности брачного союза, на экономической независимости супругов друг от друга. Советское законодательство весьма способствует укреплению этой формы семьи у алтайцев. Оно доступно рядовому алтайцу, так как его положения опубликованы и на алтайском языке, на котором ведется также и судопроизводство.

Следствием роста новых семейных отношений и резкого улучшения

⁸ По данным обследования С. П. Швецова (1897 г.), полигамных браков у южных алтайцев было 2%, мужчин добрачного возраста, женатых на взрослых девушках, также 2%. — См. «Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения». Записки Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. XXV, Омск, 1898.

⁹ А. Ефимова, Телеутская свадьба; Н. Дыренкова, Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут. Обе работы в сборн. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, Л., 1926.

материального быта, облегчившего алтайке ее домашнюю работу, явилось массовое включение женщины в сельскохозяйственное производство, в образование, в общественную и государственную работу. Кто бывал на Алтае за последние годы, отлично знает, что алтайка не только ухаживает за скотом, доит коров, стрижет шерсть, сеет и убирает хлеб, косит сено. Ее можно видеть за рулем автомобиля, на сенокосилке или жатке-самосброске, у сложной молотилки. Алтайка учится в школе, на курсах, ее можно встретить в должности председателя сельсовета, в составе работников советского и партийного аппарата районов и области. В среде алтаек появились лица, получившие высшее образование, работающие учителями родного языка, литературы и других предметов, преподаваемых в средних школах, имеются врачи,

Рис. 12. Обучение грамоте взрослых алтаек

зоотехники, агрономы. Среди создающейся алтайской интеллигенции женщина заняла большое место. Это факт большого культурного значения, яркий и отличительный признак социалистической культуры.

Я должен упомянуть еще о тех фактах и явлениях жизни алтайцев, в которых с особенной силой проявляется социалистическая сущность их культуры. Оговорюсь, что не смогу остановиться на описании таких коренных вопросов, как общественный строй, как форма государственного устройства (Автономная область). Отлично сознавая, что эти вопросы являются основой всего процесса развития социалистической культуры и быта алтайцев, я в то же время имею в виду, что они достаточно известны.

Наиболее показательным и характерным явлением социалистической культуры у алтайцев является развитие народного просвещения. Начатки школьного образования, зародившиеся в период пребывания алтайцев в составе царской России, при всем их положительном значении для того времени, ни по масштабу, ни по значению и содержанию не могут быть признаны явлением, характерным для дореволюционной культуры алтайцев. О грамотности алтайцев можно говорить только теперь, когда грамотность вошла в быт и сделалась массовым явлением. В области имеется свыше сотни только алтайских и смешанных школ. Для детей алтайцев, живущих в труднодоступных или малонаселенных местностях, где еще нет школ, при ближайших к таким местам школах устроены интернаты, в которых содержатся и обучаются за

счет государства свыше 1500 детей алтайцев. Ежегодно Область затрачивает на дело народного просвещения более половины своего бюджета. Бюджет этот непрерывно растет. Это можно видеть из сопоставления следующих цифр. Если в 1922 г., в год образования Ойротской автономной области, на народное образование было ассигновано 177 тысяч рублей, то в 1946 г., накануне 25-летия Ойротии, эта цифра выросла до 20 млн., увеличившись более чем в 100 раз. Но и приведенные выше цифры уже стареют в силу непрерывного развития этого дела. Особенно важно, что начальная школа у алтайцев работает на родном языке. К юбилейной дате 25-летия Ойротии на родном языке обучалось 7500 детей алтайцев. Преподавание на алтайском языке ведется также в ряде неполных средних и средних школ, которые впервые появились

Рис. 13. Алтайская начальная школа (Б.-Яломан)

на Алтае только в советское время. Это означает, что у алтайцев созданы учительские кадры. К настоящему времени насчитывается уже свыше 300 учителей алтайцев. Это большая культурная сила для маленького народа, численностью всего в несколько десятков тысяч. Среди учителей имеются десятки педагогов с высшим образованием, полученным в одном из лучших педагогических институтов нашей страны¹⁰. Подготовка национальных кадров ведется в самой области, где работают национальный рабфак, педучилище, зооветтехникум, фельдшерско-акушерская и торгово-кооперативная школы. В аспирантуре некоторых высших учебных заведений и Академии Наук СССР в Москве готовится к научной деятельности ряд алтайцев.

Надо сказать, что в системе народного просвещения школьное дело в наше время представляет одну из важнейших областей социалистической культуры алтайцев, национальной по форме. Национальная школа играет исключительно важную роль в формировании социалистической культуры и быта этого народа. Значение школы у алтайцев нельзя свести только к тому, что она дает преимущественно основы грамотности и воспитывает элементарные правила общественного и личного поведения учащихся в духе социалистической этики, как это можно

¹⁰ Имеются в виду три выпуска алтайцев, окончивших Московский государственный педагогический институт им. Ленина по Отделению ойротского языка и литературы.

сказать в отношении народов с богатым культурным наследием. Просветительное и воспитательное значение школы у алтайцев неизмеримо шире хотя бы уже потому, что этих функций у них в должной мере не может выполнять семья. Нельзя забывать, что еще несколько десятков лет назад семья у алтайцев представляла наиболее консервативный элемент. В настоящее время, когда эта семья претерпевает коренные изменения и переходит в более высокую фазу развития, формируясь на новой материальной и моральной основе, она сама нуждается в большой помощи со стороны школы. И школа у алтайцев, как мы наблюдали, действительно, оказывает просветительное и воспитательное влияние на семью через учащихся, через просветительную работу педагогов, через устройство школьного хозяйства и т. д.

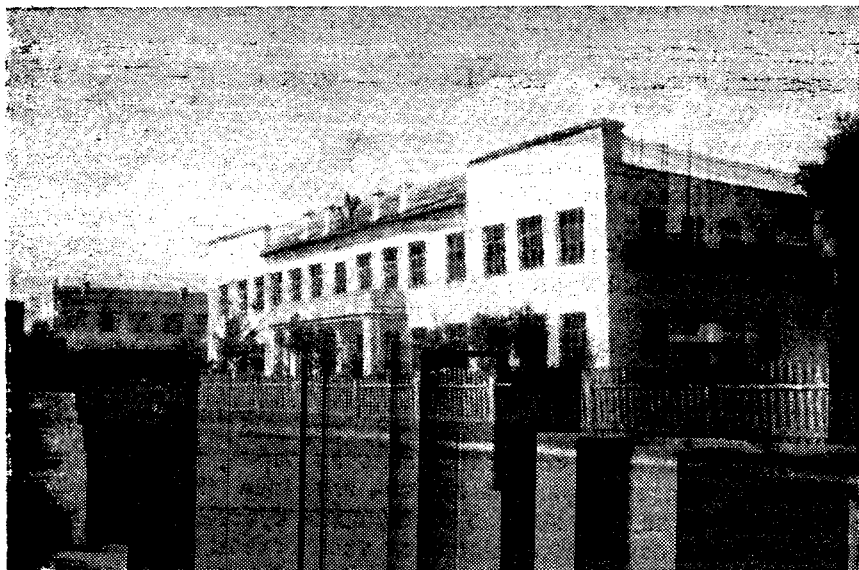

Рис. 14. Школа в г. Ойрот-Тура

Таким образом, школа у алтайцев, если иметь в виду ее в соотношении с семьей, несет на себе основные просветительные и воспитательные функции и вынуждена преодолевать отрицательное влияние религиозных и бытовых пережитков, еще сохраняющихся в семье.

Культурно-просветительное значение школы у алтайцев состоит прежде всего в том, что она необычайно расширяет умственный кругозор алтайца, замкнутый в прошлом в узкий круг ложных представлений как о местной природе и ее явлениях, так и о жизни людей, — представлений, еще не вышедших из рамок первобытности. Школа впервые открывает алтайцу глаза на правду о мире, его законах, приучает к отвлеченному мышлению. Наконец, что особенно важно, современная школа развивает у алтайцев потребность в высокой культуре.

Остановившись подробнее на школе, я не имел намерения преуменьшить культурное и воспитательное значение для алтайцев сети политико-просветительных учреждений. Десять домов культуры, тридцать клубов, около сотни изб-читален, свыше десятка библиотек, свыше тридцати киноустановок, наконец, краеведческий Музей в г. Ойрот-Тура, охватывают своим влиянием все население области и, несомненно, приносят большую пользу по повышению культурного и политического уровня алтайцев. Они ведут важную работу по развитию худо-

жественной самодеятельности алтайцев. Последнее обстоятельство хотелось бы специально подчеркнуть, ибо нередко можно наблюдать, как недооценивают развитие художественной самодеятельности даже в тех учреждениях, в задачу которых входит развитие этой стороны просветительной работы в широких слоях того или иного народа. Между тем хорошо организованная художественная самодеятельность может оказать большую услугу в деле развития культуры народа. Алтайцы в этом отношении особенно показательны. У них из художественной самодеятельности зародился и вырос национальный театр, о котором будет сказано несколько дальше.

Ярким выражением национальной формы социалистической культуры алтайцев является письменная литература и упомянутый национальный театр. Оба эти явления возникли у алтайцев также впервые и отражают большие успехи на пути культурного прогресса.

Подлинным зачинателем алтайской национальной литературы явился одаренный писатель и поэт Павел Кучияк (1897—1943 гг.). Талант этого крупного писателя-самородка вырос на основе устного народного творчества, неутомимым собирателем которого был сам П. В. Кучияк. Отсылая читателя для ознакомления с жизнью и творчеством Павла Кучияка к специальным работам¹¹, мы укажем здесь, что П. Кучияк начал свою творческую деятельность как поэт, позднее стал выступать с художественной прозой, а за последние годы своей жизни проявил себя как талантливый драматург и актер. За свою недолгую жизнь он написал большое количество оригинальных произведений. Свыше десятка книг на алтайском языке и пять — на русском — таков количественный вклад П. Кучияка в родную литературу, не считая его не опубликованного еще наследства и ряда драматических произведений. Широко известный «Сборник творчества народов СССР» открывается поэмой Павла Кучияка «Зажглась золотая заря», где в сильных художественных образах отражена любовь алтайцев к Великому Ленину. Эта поэма Кучияка, так хорошо отразившая чувства алтайского народа, настолько тесно связана с народным творчеством алтайцев, что почти неотделима от него и является его достоянием.

Разносторонняя деятельность алтайской национальной литературы не прекратилась со смертью Кучияка. Ряд писателей и поэтов алтайцев — Ч. Енчинов, И. Тантыев, Г. Кокуев, Ч. Чунижеков и др. своими произведениями убедительно показали, что национальная литература алтайцев не случайное, а закономерное явление, которое развивается, крепнет, имеет большое будущее и связано своими корнями, с одной стороны, с богатейшим устным творчеством алтайского народа, с другой стороны, — с лучшими произведениями мировой и, в первую очередь, русской литературы. В этом отношении очень важно, что алтайцы получили доступ к сокровищнице мировой литературы как на родном языке, благодаря переводческой и издательской деятельности в области, так и на русском языке, интерес и стремление к изучению которого у современных алтайцев исключительно велики. Как правило, алтайская интеллигенция двуязычна.

Переводческая и издательская деятельность, сосредоточенная в алтайском национальном издательстве, играет исключительно важную культурную роль. Издание политической, научной, художественной

¹¹ Лучшим биографом и знатоком творчества П. Кучияка является писатель А. Л. Коптелов. См. его работы: Адыёк Павла Кучияка, «Сиб. Огни», 1944, № 4; Путь через века, «Сиб. Огни», 1947, № 1. См. также вводную статью С. Коженикова к книге П. Кучияка «В родных долинах», Новосибирск, 1939.

массовой литературы, центральной и районных газет на алтайском языке является фактом огромного значения, ибо этим путем алтайцы получили возможность читать на родном языке такие выдающиеся произведения классиков марксизма, как труды Ленина и Сталина, классиков художественной литературы: Пушкина, Горького, Чехова и др., лучших советских писателей и поэтов: Шолохова, Н. Островского, В. Маяковского и др.

Предоставляя подробную характеристику и анализ алтайской национальной литературы специалистам-литературоведам, я отмечу только, что письменную литературу, как и всю национальную алтайскую печать в целом, нужно рассматривать не только как выражение высокого культурного уровня, которого так быстро достигли алтайцы благодаря советскому строю. В них нужно видеть такое явление, которое, в свою очередь, само служит мощным средством формирования национальной культуры и, в первую очередь, единого литературного языка, в основу которого положено южное наречие. Специалисты должны осветить вопрос о формировании единого литературного алтайского языка, как языка, быстро растущего и развивающегося на базе советского, социалистического общества, и установить закономерность и пути этого развития. Я же, с позиции историка и этнографа, обращаю внимание на то, что литературный алтайский язык является могучим рычагом приобщения алтайцев к социалистической культуре, поэтому крайне важно постоянно следить за его правильным и быстрым ростом, устраняя все, что тормозит и засоряет его.

Наряду с национальной письменной литературой продолжает развиваться устное народное творчество. Алтайский фольклор, снискавший заслуженную известность в нашей стране как по отдельным образцам, изданным в наше время¹², так и по имени его знаменитого сказителя, орденоносца Николая Улагашева (1861—1946 гг.), пополняется новыми талантливыми произведениями. Отличительная черта этих новых произведений состоит в обращении к современным темам, волнующим народ. От В. Ябыкова, молодого сказителя, записано сказание о «Темир-Беке», повествующее в обычных народных поэтических образах о гражданской войне на Алтае, о партизанах, о борьбе за советскую власть¹³. Имеются подобные произведения, посвященные Великой Отечественной войне.

Алтайский национальный театр существует уже десять лет и пользуется большой популярностью у алтайцев, впервые знакомящихся с этим видом искусства, так как истории алтайцев театр, хотя бы и в народной форме, неизвестен.

Алтайский национальный театр, базируясь в областном центре, систематически посещает районы области. Он ставит пьесы на алтайском языке, актеры его — алтайцы. Есть при нем группа русских артистов, играет театр и по-русски, причем смешанным составом артистов. Среди репертуара имеется два цикла пьес: оригинальный алтайский и переводной. Первый представлен произведениями современных писателей алтайцев, темы которых отражают либо современную действительность, борьбу старого и нового быта (таковы, например, «Чейнеш» и «Оролор» Кучияка, «Ай-тана» и «Санаш» — Ч. Енчинова), либо построены по мотивам фольклора («Юч-Кыс» — П. Кучияка, написанная совместно с известным народным сказителем Н. Улагашевым, и «Темир-Санаа» —

¹² Алтайский эпос Когутэй, изд. «Academia», 1935; Н. Улагашев, Алтай Бучай, Новосибирск, 1941; его же, Малчи-Мерген, Новосибирск, 1947 (обе книги под редакцией А. Л. Коптелова).

¹³ Опубликовано в книге «Алтайские сказки», Новосибирск, 1937.

Ч. Енчинова). Переводный цикл пьес состоит из русских драматических произведений: «Чапаев» по Фурманову, «Поднятая целина» по Шолохову, «Гроза» по Островскому, «Русский вопрос» по Симонову и т. д.

Алтайский национальный театр — яркое и окрепшее явление национальной социалистической культуры алтайцев. Это уже зрелый профессиональный коллектив, отдельные артисты которого признаны в масштабе нашей страны, носят звания заслуженных артистов РСФСР и награждены высокими правительственными наградами. На примере алтайского театра и отдельных его артистов с исключительной яркостью выступает сила советского государственного строя и ленинско-сталинской национальной политики. Вот актриса А. П. Алтырыкова. Маленькой забитой неграмотной девочкой она жила в услужении у баев еще в начальные годы образования автономной Ойротии. При помощи комсомола она получает образование и вырастает в драматическую актрису с крупным дарованием. Еще недавно нянчившая байских детей, верившая в шаманов и боявшаяся их, А. П. Алтырыкова ныне носит почетное звание заслуженной артистки РСФСР. Так советская власть помогла раскрыть и развить артистическое дарование не только А. П. Алтырыковой или П. Кучника, о котором говорилось выше, но и ряда других артистов алтайского национального театра. Национальный театр у алтайцев представляет большую культурную силу, свидетельствующую о том, что алтайцы способны догнать и догоняют в культурном отношении наши передовые народы. Это станет особенно ясно, если вдуматься в такой факт, что артистка-алтайка поет романсы Рахманинова на алтайском языке, что ей внимает и бурно аплодирует алтайская же аудитория, что артистка-алтайка свободно поет, например, дуэт Лизы и Полины из «Пиковой Дамы» Чайковского в партии с русской артисткой, что артистка-алтайка выступает соло или с русским партнером в характерном или классическом танце. Понять все это, почти волшебное, превращение людей, еще четверть века назад не имевших понятия о печатном слове, не знавших вкуса печеного хлеба, живших в первобытном корьевом шалаше, призывавших по всякому случаю жизни шамана, осмыслить и объяснить все это можно только при помощи ленинско-сталинской национальной политики, составляющей национальную гордость советского народа.

Чтобы закончить краткую характеристику театра у алтайцев, я скажу еще о его творческой работе по созданию театрального костюма и декораций на основе использования этнографических особенностей домашнего быта и элементов изобразительного искусства алтайцев. Народные мелодии и музыкальные инструменты (топшур, икили, комыс), фольклор широко используются театром, особенно в концертах.

Теперь остановимся еще на одной весьма важной и характерной особенности современной культуры алтайцев — на широком развитии медицинской помощи. Не берясь судить об этом в плане чисто медицинском или анализировать эффектные цифровые показатели, о которых все же необходимо упомянуть, я подчеркну следующие моменты. Медицинская помощь у алтайцев налажена в общесоветских формах (бесплатное лечение в медицинских пунктах, амбулаториях, больницах, поликлиниках и т. п.). Она быстро и прочно вошла в их быт и пользуется большой популярностью. За медицинской помощью охотно обращаются даже старики и старухи, т. е. наиболее консервативный слой алтайцев по отношению к новому быту. Писать об этом приходится потому, что подлинная медицина представляет совершенно новое явление в жизни алтайцев, да к тому же такое, которое затрагивает область религиозных представлений. До революции в с. Улале (ныне гор. Ойрот-Тура) хотя и была миссионерская больница, находившаяся

в ведении фельдшера, но практическое значение ее для алтайцев было ничтожным, ибо она была единственной на всем Горном Алтае, на территории которого свободно может поместиться ряд западноевропейских государств. Естественно, что подавляющее большинство алтайцев не имело понятия о медицинской помощи. Народная медицина у алтайцев развита крайне слабо и массовым методом лечения было обращение к шаману. Шаманы ограничивали диагностику и лечебные сеансы принесением умиловительной кровавой жертвы. Следовательно, то, что алтайцы, до стариков включительно, верят в научную медицину и охотно обращаются к ее услугам, свидетельствует о большом прогрессе в их сознании. Это говорит о вытеснении из мировоззрения алтайца древних религиозных представлений, согласно которым в основе объяснения любой болезни лежали две идеи: либо вселение в больного злого духа, либо уход души из человека. Научная медицина нанесла сильный удар вере в шаманов. Подлинная медицина органически вошла в жизнь и быт алтайцев, в их национальную советскую культуру. Начинают появляться национальные кадры в низшем и среднем звене медицинских работников. Наша партия и правительство и местные руководящие органы власти всемерно развивают дело медицинской помощи у алтайцев. Советское государство отпускает на это большие средства, о чем наглядно свидетельствует интенсивный рост бюджета по здравоохранению, который за 25 лет существования области увеличился в 208 раз и выражается десятками миллионов рублей¹⁴. К юбилейной дате 25-летия Ойротии здесь работало 24 больницы, поликлиника, 23 врачебные амбулатории, 5 диспансеров, 36 фельдшерских пунктов, 7 пунктов специального назначения, 4 зубопротезных кабинета, рентгеновский кабинет и т. д. Мне нет нужды перечислять подробно все эти цифры, дополняя их еще рядом других, как, например, о количестве врачебного персонала, исчисляющегося сотнями человек, пришедших на смену единственного дореволюционного фельдшера, количестве родильных домов, консультаций, детских ясель и т. п. Читатель может найти все это в точном цифровом выражении в ряде статей, часть из которых цитируется в настоящем очерке. Вместо этих цифр, которые, надо сказать, быстро стареют в силу непрерывного развития медицинского дела на Алтае, я предпочитаю подчеркнуть социалистический характер медицинского дела на Алтае. Это обстоятельство проявляется не только в бесплатном лечении, но в стремлении сделать это лечение наиболее доступным и эффективным для населения. На это указывает сама топография медицинских учреждений по области, предусматривающая оказание медицинской помощи даже в наиболее трудных и глухих местах обитания алтайцев, чтобы больному не приходилось ехать многие десятки километров за этой помощью. Больше того, предусмотрены и такие случаи, когда больному по его состоянию нельзя приехать в лечебный пункт. Для этого в распоряжении областного и аймачных отделов здравоохранения имеются санитарный самолет и автомашины. Снабжение медицинских учреждений современным оборудованием и лекарствами, создание специальных улучшенных условий жизни для медицинских работников,— все это показывает, что советская медицина у алтайцев преследует большие благородные цели и представляет собой уже сложившийся весьма существенный элемент национальной культуры алтайцев. Советская медицина уже сделала самое трудное и самое важное дело среди алтайцев. Она сумела завоевать их полное доверие, сумела помочь им преодолеть многовековые суеверия и тем

¹⁴ И. Коломин, *Дела и люди социалистической Ойротии*. Сборн. очерков, Ойрот-Тура, 1947, стр. 10.

самым уже внесла свой огромный вклад в дело формирования социалистической культуры алтайцев.

Хотелось бы еще поделиться некоторыми результатами изучения и наблюдениями относительно нового мировоззрения алтайцев, которое неизбежно и закономерно формируется на основе социалистического переустройства их жизни. Сознвая, что эта тема должна быть предметом специальной работы, я все же укажу здесь на отдельные ее моменты. К числу таких относится вопрос национального самосознания, независимо от племенных и родовых различий, господствовавших в прошлом. Сознание национального единства весьма явственно сказывается у тех племен, которые до образования Ойротской Автономной области сами себя алтайцами не называли. Мы имеем в виду тубаларов, по самоназванию «иш киж», т. е. «лесные люди» или «люди черни» (тайги), населяющих в основном Чойский аймак. То же самое относится и к жителям Ойрот-Турского (б. Майминского) и частично Эликмонарского аймаков, где население обычно именovalo себя по названию рек («Майма киж») или «маймалары») или родов (сеюков). Теперь же в указанных районах очень часто можно слышать фразу: «бис ончозы алтай киж» — мы все алтайцы. Следовательно, сознание национального единства проявляется в общности национального самосознания. Оно проявляется и в том, что при выдаче паспортов, при заполнении различных анкет, при составлении биографий и при различных местных статистических сводках население указанных аймаков называет себя также алтайцами.

Рост и укрепление национального самосознания алтайцев происходит на основе дружбы и братства народов, что исключает всякий национализм. Националистические течения, время от времени появлявшиеся в узких кругах алтайской интеллигенции, специально выращивались и питались элементами, враждебными советскому строю, как это уже было в свое время установлено. Эти течения не нашли подходящей почвы как в широкой среде алтайцев, так и в передовой части их интеллигенции. Напротив, наиболее жизнеспособными у алтайцев оказались идеи советского патриотизма, чуждого национальной ограниченности. Это обстоятельство, может быть, не выступило бы никогда так исключительно ярко, как это случилось во время Великой отечественной войны, когда алтайский народ выявил свои новые моральные качества, успевшие вырасти в его среде всего лишь за два десятилетия свободной жизни в рамках советской автономии. Это проявилось уже с первых дней войны в массовом наплыве в армию добровольцев алтайцев, хотя этот народ уже в течение двух столетий не знал, что такое война или военные столкновения. Только советским патриотизмом можно объяснить, что так легко, четко и бесперебойно работали призывные пункты среди алтайцев. Чувство патриотизма сказалось в исключительно высоких качествах алтайца как бойца на фронте, что отразилось между прочим в том, что среди того, сравнительно небольшого числа бойцов, которое мог дать фронту этот маленький народ, насчитываются тысячи человек, награжденных боевыми орденами и медалями. Черты советского патриотизма оказались в равной мере присущими алтайскому населению, оставшемуся в тылу. Они выразились в массовой добровольной помощи армии в виде различных подарков фронтовикам (десятки тысяч посылок), добровольных денежных взносов в фонд победы (десятки миллионов рублей), а главное в том трудовом подъеме алтайцев в тылу, который обеспечил значительную помощь фронту со стороны народного хозяйства Ойротии, который помог удержать уровень алтайского народного хозяйства на необходимой высоте. Советская автономная Ойротия дала фронту и стране за

годы войны 800 тыс. пудов мяса, 160 тыс. пудов масла, 140 тыс. пудов сыра, 80 тыс. пудов шерсти¹⁵.

Для того чтобы должным образом оценить перечисленные явления, нужно знать, каково было отношение алтайцев к империалистической войне 1914 года.

Материалом для сравнения может послужить сообщение официальных миссионерских отчетов. Положиться на эти данные можно не только потому, что без наличия соответствующих фактов миссионеры не стали бы печатать в своих официальных изданиях вещи, свидетельствующие о слабости их влияния в среде алтайцев. В достоверности этих сведений можно не сомневаться еще и потому, что миссионеры в самом деле хорошо знали подлинные настроения алтайцев, ибо постоянно вращались среди них. Миссионеры писали: «отношение алтайских язычников к вопросам военного времени представляется нам совершенно безучастным, как будто война идет не в России, а где-нибудь «за тридевять земель в тридесятом государстве»¹⁶. Как известно, царское правительство не призывало алтайцев как «инородцев» на фронт и только в 1916 г. объявило мобилизацию их на тыловые работы в прифронтовую полосу. Алтайцы не только не поддерживали этого мероприятия царского правительства, но и выступили против него, уклоняясь от явки на мобилизационные пункты, а кое-где выступили против царских властей, вооруженные камнями и косами (Онгудайский, Усть-Канский районы).

В более глухих местах Алтая мобилизация вызвала панику. Алтайцы бежали в горы, некоторые прибегали к самоубийству, к самоувечью и т. п. Что касается «пожертвований», то, как указывают миссионеры, инициатива их «исходила не от самих жертвователей, а от русской администрации»¹⁷. Как не похоже это на тот настоящий патриотический подъем, который царил на Алтае в годы Великой отечественной войны.

Следовательно, в мировоззрении алтайцев произошел коренной перелом. Господствующим мотивом в нем звучит советский патриотизм.

Идейный патриотизм, любовь к свободе, уважение к другим национальностям, умение сочетать общественные и личные интересы, новое отношение к женщине, стремление к знанию и культуре — все это черты нового социалистического мировоззрения, которое постепенно возникает и укрепляется у алтайцев. Социалистическая действительность, социалистическая практика жизни, советская школа, медицина сыграли решающую роль в этом изменении мировоззрения. Можно говорить также о большом развитии среди алтайцев отвлеченного мышления, заменившего старое, первобытное образное мышление, что отразилось уже на категориях языка и т. п.

В заключение я хотел бы обобщить некоторые результаты изучения современной жизни алтайцев и наметить выводы, вытекающие из этого опыта.

Прежде всего необходимо констатировать, что у алтайцев идет интенсивный процесс образования национальной культуры. О национальной культуре алтайцев в строго научном смысле можно говорить только теперь. До революции культура алтайцев не носила национального характера. Племена алтайцев жили и управлялись изолированно

¹⁵ Письмо от рабочих, колхозников и интеллигенции Ойротской автономной области товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу, «Правда» от 15 июня 1947 г.

¹⁶ Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г., Томск, 1916, стр. 73—76.

¹⁷ Там же, стр. 75.

друг от друга, в экономическом и культурном отношении были разобщены, что весьма сказалось на различии их языка и быта. Каждое племя говорило на своем диалекте. Почти первобытная культура и быт этих племен отличались местными этнографическими особенностями. В них, главным образом в материальной культуре, были элементы, общие для более широкого круга племен и народов Сибири, различных по языку и происхождению. Такая своеобразная общность носила стадийный характер, была выражением одинаково низкого уровня развития труда разнородных племен и народов, живших в сходных географических условиях, хотя и весьма удаленных друг от друга и лишенных всяких фактических связей. Следовательно, подобная общность культуры не имела ничего общего с национальной культурой, развивающейся на базе общности территории, языка, экономической жизни. Для возникновения и развития национальной культуры алтайцев до революции не было необходимых условий. Эти условия появились только при советском государственном строе. Советский государственный строй, ленинско-сталинская национальная политика создали фактические условия для быстрого развития алтайских племен в национальность, для создания национальной культуры алтайцев. Процесс этот протекает на основе социалистических порядков, на основе Сталинской Конституции.

Развитие национальной культуры у алтайцев происходит на базе господства социалистической собственности на основные средства производства и ликвидации эксплуатации и эксплуататорских классов (как собственных баев и зайсанов, так и русских капиталистов и помещиков), на базе ликвидации нищеты рядовых скотоводов и охотников, роскоши и богатства зайсанско-байской верхушки. Алтайцы как граждане СССР практически обеспечены правом на труд, отдых и образование. Это обстоятельство является одним из важнейших условий для развития культуры. Алтайцы как национальность равноправны во всех сферах хозяйственной, культурной и национальной жизни. Представляя до Октябрьской революции группу племен, известную преимущественно этнографам, алтайцы ныне имеют своих равноправных представителей в высшем органе — Верховном Совете СССР. Все это делает национальную культуру алтайцев культурой широких слоев трудящихся всех алтайских племен, объединившихся в Автономную область. Алтайский народ является не только создателем новой культуры, но ее обладателем и распорядителем.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что национальная культура алтайцев развивается как культура социалистическая. Но ее развитие протекает довольно сложным путем. Оно происходит преимущественно в национальной форме (литературный язык, письменная литература, школа, пресса, театр и т. д.). При этом социалистическая культура алтайцев включает в себя ценные и полезные элементы старой культуры, созданной многовековым опытом ряда поколений отдельных алтайских племен (техника и некоторые приемы пастбищного скотоводства, лесных промыслов, верхового и вьючного транспорта, способы переработки молока и т. п.). Национальная по форме и социалистическая по содержанию культура является мощным средством движения алтайцев по пути прогресса. Причина этого кроется в том, что развитие ее происходит на основе советского государственного строя, т. е. высшей формы демократии, обеспечивающей вовлечение в процесс творчества культуры широких слоев алтайцев, порождающей кровную заинтересованность в нем всего населения. Советский государственный строй избавил алтайцев от пути консервации отсталых форм и элементов старой племенной культуры. Советская национальная политика спасла их от буржуазной практики решения национальной судьбы, подобной, на-

пример, судьбе североамериканских индейцев, для которых государство Соединенных Штатов Америки устроило особые резерваты¹⁸.

Передовая современная наука установила и сформулировала закон развития культуры народов в эпоху социализма, как развития культуры национальной по форме и социалистической по содержанию. Развитие культуры алтайцев отражает и подтверждает эту закономерность.

В совокупности условий, обеспечивающих алтайцам возможность миновать капиталистический путь развития, большую роль сыграла и продолжает играть помощь русского народа. Нет никакого сомнения в том, что развитие национальной культуры алтайцев происходит при большой помощи и участии русского народа. Русское население играет важную роль в народном хозяйстве и культуре Ойротии. Русские рабочие, крестьяне, техническая интеллигенция, работники науки и искусства, работники советского и партийного аппарата оказывают большую помощь в формировании алтайской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, что весьма содействует укреплению дружеских отношений между алтайцами и русскими.

Русское население Горного Алтая оказывает прогрессивное влияние не только на развитие хозяйства, но и на формирование нового домашнего быта алтайцев, особенно в части материальной культуры.

В связи с этим может возникнуть вопрос, не происходит ли в наше время просто обрусение быта алтайцев? На него следует ответить отрицательно. Домашний быт продолжает оставаться алтайским, несмотря на то, что он включает в себя много элементов русского происхождения. Происходит это потому, что подобные элементы быта вовсе не заимствуются механически, а перерабатываются с учетом национальных особенностей. В результате возникают такие формы материального домашнего быта алтайцев, которые никак нельзя назвать русскими, невзирая на их русское происхождение. Вспомним срубное жилище алтайца, покинувшего юрту, так похожее на русскую избу, но и весьма от нее отличающееся. Или вспомним легкую верхнюю одежду женщин, а также некоторые виды пищи, о чем мы писали выше. Все это новые национальные формы быта, выросшие на основе переработки алтайцами соответствующих русских образов.

После всего изложенного мы вправе сделать следующее заключение. Практическое осуществление советской национальной политики среди алтайцев дало блестящие результаты. За четверть века в условиях советской автономии алтайцы совершили скачок, беспрецедентный в их истории, который приблизил их к передовым народам советской страны. За это короткое время в горах Алтая возникла высокая народная культура, уровень которой неизмеримо превосходит все то, что было достигнуто здесь в течение нескольких тысячелетий. Уже из простого сопоставления видно, что ни культура времени тюркских каганатов, ни даже культура периода пребывания алтайцев в составе царской России не могут выдержать и отдаленного сравнения с социалистической культурой алтайцев.

Культурные достижения алтайских племен, приобретенные в период VI—VIII вв., были уничтожены владычеством разных азиатских поработителей алтайцев, особенно Чингис-ханом и его потомками. Позднее, в XV—XVIII вв., культурный уровень алтайцев снизился еще более в результате политики ойратских или джунгарских ханов. И только в период нахождения племен Алтая в составе царской России у них не-

¹⁸ Резерваты представляют собой своеобразные музейные заповедники для уга-сающих индейских племен, культура которых сведена к значению экспоната и обречена на полное исчезновение.

сколько поднялся уровень культуры, что явилось результатом непосредственного общения их с русским народом и его более высокой культурой. Однако рост культуры алтайцев тормозился колониальной политикой царизма. Лишь советский период истории алтайцев создал условия для быстрого культурного прогресса их и привел в активное творческое движение материальные и духовные силы трудящихся алтайцев, угнетенные в прошлом то различными азиатскими завоевателями, то русскими и китайскими капиталистами. В этом проявилась исключительная жизнеспособность и плодотворность советского государственного строя в применении даже к таким племенам и народам, которые еще недавно находились на ранних ступенях общественного развития.
